

Александр Серафимович

Бомбы

Серафимович Александр Бомбы

Александр Серафимович Бомбы

1

Маленького роста, тщедушная, в оборванной юбке и грязной сорочке, все сползавшей с костлявого плеча, она, нагнувшись над корытом, усердно терла взмокшее, отяжелевшее белье в мыльной пене. Пар тяжело и влажно бродил под низким темным потолком. На широкой кровати в куче тряпья, как черви, копошились ребятишки.

Когда женщина на минуту выпрямлялась, расправляя занывшую спину, с отцветшего лица глядели синие, еще молодые, тянувшие к себе, добрые, усталые глаза.

Ухватив тряпками чугунный котелок, она лила кипяток в корыто, теряясь в белесых выбивающихся клубках, и опять, наклонившись и роняя со лба, с ресниц капельки пота, продолжала тереть красными стертými руками обжигающее мыльное белье. Капал пот, а может, слезы, а может, мешаясь, то и другое. На дворе перед низким, почти вровень с землей, окном лежала, похрюкивая, свинья и двенадцать розовых поросят, напряженно упираясь

и торопливо тыча в отвислый, как кисель, живот, взапуски сосали. Петух сосредоточенно задерживал в воздухе лапу, повернув голову, прислушиваясь, шагая и для вида только редко постукивая клювом по крепкой земле, сдержанно переговариваясь с словоохотливыми хохлатками.

- Ох, господи Иисусе, матери божия, пресвятая богородица... И чего это...

Пена взбилась над корытом целой горой, и пузыри, играя радугой на заглядывавшем в окно солнце, лопались, тихонько шипя.

- Конца-края нету!.. - как вздох, мешалось с плесканьем воды, с подавленным шепотом и смехом ребятишек, затыкавших руками друг другу рты.

Кто-то за дверью громко колотил орехи, и их сухой треск то приостанавливался, то сыпался наперебой. Орехи, должно быть, были крупные, крепкие, и сыпалось их много. Потом начинали щелкать прямо перед окном, хотя на дворе никого не было, кроме свиньи с двенадцатью поросятами.

Между сухим треском коловшихся орехов вставлялись глухие удары, как будто кто

сильно, с размаху захлопывал дубовые двери, и стены и пол вздрагивали, и чуть звенели подернувшиеся от старости радужными цветами стекла в низеньких окнах. При каждом тяжелом ударе свинья вопросительно хрюкала и шевелила длинными белесыми ресницами. А стертые, красные и припухшие руки продолжали тереть, и капали в мыльную воду не то пот, не то слезы.

- Мамуньке скажу...

- А ты не сказывай, а я те дам тоже такую.

- А я ее исть хоцу.

- А ее не едят... Вишь, крепка... - носился детский шепот и подавленный смех и возня.

2

В окно заглядывала темная ночь, шурша ветром и стуча дождем. Ребятишки спали. Марья возилась около печи, ставя тесто. Снаружи стукнули кольцом. Она отперла. Вошел муж с несколькими товарищами и он. Это было два года тому назад.

Вытерли ноги и прошли в чистую половину. Сели. У него было молодое, строгое и безусое лицо. Он сел под образами, и все молчали, покашливая в кулак.

Когда посидели, _он_ сказал:

- Что же, больше никого не будет?

Муж откашлянулся и сказал:

- Нет... никого... Потому, собственно, погода, и народ занятой...

И хотя был очень молод, _он_ сидел, нахмурив брови, и все глядели на пол, на свои сапоги, изредка украдкой поглядывая на _него_. Он_ сказал:

- Тогда приступим.

И, поднявшись, басом, которого нельзя было ожидать от такого молодого, сказал:

- Товарищи, вы видите перед собой социалиста.

Точно в комнату невидимо вошел кто-то страшный. Марья стояла за дверью и прижалась к притолоке. Все перестали покашливать, перестали смотреть себе на ноги и на пол, а, не отрываясь, глядели на _него_. А _он_ говорил, говорил, говорил...

У Марьи дрожали руки, и она тыкалась возле печки без толку, брала то кочергу, то миску, то без надобности подымала полотенце и заглядывала на теплое пузырившееся тесто.

- Ах ты господи, кабы дети не проснулись!.. - шептала она.

А безусый все говорил. Марья ничего не понимала, о чем шла речь, без толку возясь с посудой и схватывая только отдельные слова. И ей пришла дикая мысль, что он сейчас скажет: "Бабу повесить у притолоки, а ребят в лежанку головой..." И хотя он этого не говорил и - она знала - не скажет, руки у нее ходили ходуном. Или скажет: "Будет им, хозяевам-то, носить шелки да бархаты, нехай твоя баба поносит... Сделать ей шерстяную юбку да кофточку шелковую..."

Но он и этого не говорил, и она знала, что не скажет. Слесаря, когда он к ним обращался: "Не так ли, товарищи?" - отвечали хрипло срывающимися голосами:

- Верно... это так.

Они робели пред ним, и это наводило на нее еще больший страх. А в окно все внимательнее заглядывала ночь, и шуршал ветер, и плескался дождь.

И когда ложилась с мужем, Марья проговорила, крестясь и испуганно глядя в темноту:

- Вась, а Вась... кабы беды не нажить?.. Си-

цилист вить... Мало ли что...

Муж сердито повернулся на другой бок.

- Молчи, ничего не понимаешь.

3

Свинья по-прежнему неподвижно лежала, и двенадцать розовых поросят, подкидывая мордами, толкали ее в живот. Очевидно, им уже нечего было сосать, но доставляло удовольствие колыхать этот большой, упруго подававшийся живот.

Важно и медленно густой, черный дым подымался над городом в нескольких местах, и орехи продолжали торопливо щелкать, и бухали дубовые двери... То вдруг все затихало, и это имело какое-то отношение к этому медленно и важно подымавшемуся дыму, и на мыльную воду, и на красные руки капали капли не то пота, не то слез...

Безусый приходил после того несколько раз, и хотя он больше не говорил, что он социалист, и она угощала его чаем, - все-таки продолжала его бояться и чуждаться.

По субботам маленькая комната битком набивалась рабочими. Красные и потные, они сидели чинно, пока он говорил, но по-

немногу вступали в разговор, разгорались, перебивали друг друга, стучали кулаками в грудь, и подымался такой содом, что хоть святых выноси.

Что-то странное, новое и непонятное вошло неуловимо в их домишко. Марье казалось, как будто проломили стену и через пролом стало светлее, и неслись с улицы звуки, но она боялась, что будет непогода, и сюда будет нести дождь и снег, и будет заглядывать осенняя ночь.

Очень хорошо она знала, что завод давит рабочих, что муж каждый день приходит истомленный, что у него, когда-то краснощекого, здорового и веселого, ввалилась грудь, впали щеки, и при каждом расчете излишка рабочих они дрожали. И все это было неизбежно привычно и тянулось, как тянется день, наступает вечер, ложатся спать, и опять день, и опять работа, ребятишки, заботы... Теперь же то, что было привычно, буднично и неизбежно и о чем не думалось, да и некогда было думать, теперь это называли вслух, об этом говорили, спорили, и оно обернулось к Марье какой-то иной, новой, тревожной и

беспокойной стороной.

И опять ей показалось, что придет кто-то, строгий, недоступный и суровый, и скажет:

- Будет хозяевам-то с чаями да с сахарами...

Пора и вам, сердягам, передохнуть...

И кто-то другой, ухмыляясь поганой рожей, скажет:

- А в тюрьму хочешь?!

Безусый стал приводить с собой товарища. Этот был постарше, с лысиной и черной бородкой. На обоих были синие блузы и высокие сапоги, но руки у них были белые и мягкие. Нельзя было понять, что они говорили, но у обоих были чистые и ясные голоса, и все хотелось их слушать.

- Вась, а Вась... - говорила Марья, ложась возле мужа.

Она виделась и успевала перекинуться с мужем двумя-тремя словами только перед сном. Уходил он до свету, а приходил ночью, черный, пропитанный железом, нефтью, усталый и сердитый.

- Вась, кабы беды не нажить... Неровен час... У Микулихи, сказывают, забрали мужа и брата, и ей-богу!.. Жандармы, сказывают, при-

ходили, все обшарили, перину пороли, вот как пред истинным!..

- Много ты понимаешь!

Он сердито отвернулся к стене, но не захрапел, как это обыкновенно бывало, а полежал, молча и торопливо сел на постели. Ворота рубахи отстегнулся, показывая волосатую грудь.

- _Они_ - благодетели наши... А то как же?... Что я понимал! Пень бессловесный, и больше ничего...

Он посидел, строго покачивая головой, и почесал поясницу.

От синей полосы лунного света по всей комнате лежали длинные, ломаные, уродливые тени.

- Блох ноне множество.

- Блох - сила. Пропадать бы надо, а они кипят.

Он опять почесал поясницу.

- Главное, понять... Нашему брату, рабочему, понять только, а там захватит и поволочет... Все одно как пьяницей сделался - не оторвешься... Никак, кто-то калиткой стукнул?

Они прислушались, но было тихо, и лун-

ная полоса по-прежнему неподвижно лежала на кровати и в комнате, прорезанная тенями. И в этой полосе сидел человек, всклокоченный, костлявый, с глубокими впадинами над ключицами. Жена глядела на него, и тонкая, щемящая боль кольнула сердце. Ей захотелось приласкать этого человека.

- Вась, а Вась... худой ты...

4

Марья стала разбираться. Она понимала, что "эксплуатация" значит хозяева мучат, что "прибавочная стоимость" - это что хозяева сладко едят, сладко пьют вместо нее с мужем, вместо ее детей, и прочее.

И двоилось у нее: все это было старое и известное, и все это поражало остротой новизны и несло в себе зерно муки и гибели. И она внимательно слушала, когда в тесной комнатке стоял гул голосов, с тайной надеждой и радостью, что изменится жизнь, что еще в тумане и неясно, но идут уже светлые дни какой-то иной, незнаемой, но радостной, легкой и справедливой жизни. А когда оставалась одна и сходилась с соседками, сердито говорила:

- И чего зря языками болтают. Так, невесть что. И будто умные люди, из панов, а так абы что говорят. Ну, как это можно, чтоб хозяев не было? А кто же управляться будет, а страховку кто будет делать, а жалованье платить?

- И не говори!.. Вон у Микулихи-то забрали, доси не выпускают... Дотрезвонятся и эти.

Но когда приносили литературу, прокламации или мешочки со шрифтом и муж отдавал ей, она тщательно и бережно запрятывала и хранила их.

В глухую полночь пришли жандармы и арестовали мужа. Марья обезумела. Бегала в жандармское, в полицию, к прокурору, валялась в ногах и выла. Под конец ее отовсюду стали гнать. Потом она съежилась, замолчала, никого ни о чем не просила, и когда приходила на свидание в острог, глаза у нее были сухие и горячие. Она непременно приносила бублик, или пирожок, или яиц. Не волновалась, не плакала, не упрекала, а рассказывала о детях, о соседях, про заводских.

Дома работала как лошадь, и никто не знал, когда она спит. Надо было прокормить семью, и она билась как рыба об лед.

Раз как-то пришел безусый проведать и навести какие-то справки. Когда она увидела его, лицо исказилось, она схватила полено и бросилась на него.

- Вы погубители наши!.. Вы кровососцы!.. Будь вы трижды прокляты!.. И чтоб вас, анафемов!..

Из тюрьмы муж вышел совсем больной и несколько месяцев был без работы. Это было самое тяжелое время для Марьи. Она работала с неослабной энергией, и одно только жгучее чувство светило в ее сухих и горячих глазах - ненависть. При одном имени: жандарм - она трепетала от злобы.

Снова по ночам стал таинственно собираться народ в их домишке. Назревали события. В воздухе пахло порохом и кровью. То там, то здесь находили убитыми городских и шпионов.

5

Клубы черного дыма важно подымались над городом, свинья кормила поросят, грохот захлопывающихся дверей сливался в протяжный гул. Женщина торопливо домывала... Кто-то, несмотря на этот черный день,

несмотря на трескотню и грохот, кто-то должен был носить тонкое чистое белье, не мог оставаться без белья. И ребятишки, возившиеся на кровати, не могли оставаться без хлеба. И она запаривала, намыливала и терла, терла, терла.

Низенькая дверь отворилась. Нагнув голову, торопливо шагнул молодой парень. Женщина разогнула спину, глянула и всплеснула руками.

- Савелий!..

У него было почерневшее, осунувшееся - как будто он не спал целую неделю - лицо и темный сгусток запекшейся крови под правым глазом:

- Тетка Марья... во...

Он с усилием улыбнулся запекшимися губами, тяжело опустился на табуретку и завел веки. Потом торопливо вскочил и, глядя испуганными красными глазами, проговорил:

- Дай глотку промочить да достань поскорей... энти... знаешь, которые спрятать тогда приносили.

Она с отчаянием хлопнула руками.

- А мой-то, мой где?.. Что с ним такое?.. Что

он не идет?.. Господи, да разнесчастливая я, несчастная... Да милый ты мой соколик... Да куды же я теперь голову приклоню...

Она уставилась на парня злыми глазами и шипела:

- Где мой?.. Говори, где... не брешь... говори!..

Он бегал глазами по комнате и оглядывал себя.

- Вишь, шрапнель всю полу, как горохом, дырочки проделала...

Она взяла ведро и, рыдая и сморкаясь в руку, пошла во двор. Парень прислонился к стене, запрокинул голову; веки тихонько полузакрылись, рот открылся, показывая белые зубы. Он тихонько подсвистывал носом, покойно дышала грудь, и мирное, спокойное, счастливое выражение разливалось по измученному лицу.

Было тихо. Ребятишки притаились и хитрыми смеющимися глазами следили за спящим. В углу грызла мышь. Петух подошел к самому окну, постоял, поворачивая голову, и вдруг заорал что есть силы: ку-ка-ре-ку-у!.. Свинья хрюкнула, ребятишки прыснули со

смеху.

Вошла Марья с оттягивающим руку ведром. Парень вскочил, как безумный, шаря у себя на груди и оглядывая комнату дикими глазами.

- Где?.. Куда?.. Постой!.. Фу-у, а я думал...

- Испей, касатик... Покормила бы тебя, - нечем, родимый: корочки сухой в доме нет. - И она опять заголосила: - Да куды мы денемся? Да куды мы голову приклоним?.. Да родимый ты наш батюшка!..

Он жадно пил, запрокидывая голову и проливая прыгавшую по одежде серебряными каплями воду.

- Спасибо, Ивановна!.. Прощай!.. Будь тебе, чего сама пожелаешь. - И вдруг нервно заторопился: - Скорей, скорей!..

- Да куды он их дел, не помню.

- В подполье будто, сказывал.

- Вытащил... Где-то в коробке под кроватью...

Она лазила на коленях, шаря рукой под кроватью, под скамьями, и вытащила небольшой ящик.

Оба нагнулись.

- Пустой!!

- Куды же делись?

- Взял разве?

- То-то, что нет... Послали. Непременно надо.

Ребятишки хихикали.

Странный звук пронесся по комнате. Парень стоял белей стены, протянув растопыренные пальцы. Марья, не поднявшись еще с колен, глянула по направлению его взгляда и застыла, и глаза у нее сделались огромные и круглые: перед сбившимися в кучу ребятишками лежали небрежно на кровати два металлических цилиндра, грубо обделанные напильником. Что-то в них было необыкновенное, потому что люди в застывших позах несколько секунд не могли оторваться глазами.

Потом Марья, как кошка, подобралась к перепуганным детям и с ненавистью прошипела:

- Тссс... нишкни!..

Парень, у которого лицо стало отходить, шагнул, осторожно взял и положил, пожимаясь от холодного прикосновения, один ци-

линдр за пазуху, а другой опустил в карман.

И когда был уже у двери, обернулся и покачал головой.

- Крошки бы от дому не осталось...

И из-за притворенной двери донеслось:

- Прощай, Ивановна. Спасибо... Не поминай лихом!

Свинья поднялась на ноги, постояла и подумала. Поросята играли, боком подкидывая мордами друг друга. Потом опять грузно легла на бок, и поросята снова взапуски, тыкая мордами, стали сосать ее.

Из орудий продолжали стрелять, и дым клубами подымался к небу.

Сыпались орехи, громко хлопали дубовые двери, и столб, густой и черный, медленно и важно подымался к небу. А Марья терла скользкое мыльное полотно, и пот, как роса, проступил на ее лице, и капли, соленые и едкие, капали в мыльную воду.